

МАРИНА КОТОВА

КАК ДО ВОЙНЫ

МОСКВА ВОЕННАЯ

Москва, духота, бродит пыль по проулкам,
у дней этих мёртвых ни цели, ни даты,
здесь каждый, как в капсулу, замкнут, и гулко
шаги в переходе звучат без возврата.

Зарница сверкнёт, но бессильны стихии,
асфальт раскалённой дымит сковородкой,
но страх надевает перчатки тугие,
и чёрные тряпки на подбородке.

Напрасно три ангела, сидя у Чаши,
толкуют о вечном в звенящей лазури.
Пустые глаза и сердца безучастны,
а вспомнят о Боге, то разве что всуе.

В пустынном кафе одинокая Ева
над рюмкою плачет, что некого нежить,
с рекламных щитов, возносящихся в небо,
напившись тоски, ухмыляется нежить.

Пройдёт человек, озираясь, как пьяный,
и смертью потянет из колотой раны.

КОТОВА Марина Ананьевна родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Автор трех книг стихов. Лауреат нескольких всероссийских премий. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

* * *

Вода, как ночь, в ней зыблются вершины
и облака — виденья наяву.
Спасибо, Господи, за жёлтый лес кувшинок,
через который я сейчас плыву.

Вода, как шёлк, от запахов пьянею,
от медленных касаний донных трав,
бутоны на змеиных гибких шеях
прохладой дышат, над рекой привстав.

Всё уже чёрный коридор, и листьев блюда
на шёлке плотном водяном дрожат слегка,
могу я без усилий дотянуться
до стебля золотистого цветка.

Так влага обнимает плечи нежно;
стрекозки синие скользят среди трав льняных
прозрачно, эфемерно, безмятежно,
как до войны.

* * *

Луга веют мёдом и тмином,
лимоном и горькой корой,
и чем-то печальным, старинным,
как пахнут развалины в зной.

Какие-то тёмные были,
чей отзвук ещё не утих,
как грудью крестьянки кормили
щенков драгоценных борзых,

как слепли при жёлтой лучине,
как жаждали люди земли,
как пели о горе-кручине;
как голых и нищих секли.

Над Волгою светятся горы,
а травы — уйти и пропасть.
Какие земные просторы,
какая ничтожная власть!

Плывёт, поражая величьем,
кроваво сверкающий шар —
подавленных бунтов мужичьих
и будущих бунтов пожар.

НОЧЬ

Нет надежды у нас ни на волос,
ночь горит, белой тьмою лучась.
Говорит мне таинственный голос:
существует одно лишь “сейчас”.

Деревенская эта терраска,
скатерть в синих сухих лепестках,

половицы с облупленной краской,
ты с истрёпанной книгой в руках.

Говорю, что поэты живые, —
ты киваешь, мол, правда твоя, —
к нам приходят сквозь мороки злые,
возвращаясь из небытия.

Ты читаешь, что всё стало ложью
(свет неверный трепещет, как тать),
что помочь никому невозможно
и не надо уже помогать,

что сердца равнодушны и грубы,
что в России, как в склепе, темно.
Говорим о скитальцах угрюмых
и печальное тянем вино.

На правах жили, хоть и на птичьих,
горечь души разъела, как ржа.
Ну, а нам-то с тобой, горемычным,
нам-то некуда больше бежать.

Перекрыты надёжно границы —
ни сверчок не проскочит, ни мышь,
под запретом Венеция с Ниццей,
и Харбин нам закрыт, и Париж.

За колючкой чумные бараки,
только к смерти открыты пути.
И грозят цифровые маньяки
тихой сапою мир извести.

Так читай золотые кошуны,
может, нет никаких райских кущ.
И Георгий Иванов на стуле
нервно курит и смотрит, прищурясь,
на сверкающий пламенем плющ.